

Особенности воплощения семейной темы в романе К. Абрамова «Пургаз»

А. О. Лукин

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
soap-2017@mail.ru*

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению национальной картины мира в творческой рецепции мордовского писателя Кузьмы Абрамова. Предметом исследования являются особенности художественного воплощения темы семьи в романе-сказании «Пургаз».

Цель: раскрыть специфику репрезентации семейно-брачных отношений в романе К. Абрамова «Пургаз».

Материалы исследования: роман-сказание К. Абрамова «Пургаз».

Результаты и научная новизна. Репрезентированная в романе К. Абрамова «Пургаз» художественная концепция семейственности обусловлена как авторскими эстетическими предпочтениями, нравственно-этическими принципами, так и логикой исторического процесса – в древнемордовском обществе конца XII – начала XIII в. были распространены язычество, многожёнство (полигиния), раннее замужество или женитьба по решению родителей, умыкание / похищение невесты, левират. Автор изображает различные модели смешанных (межнациональные, межконфессиональные) браков, посредством которых отражаются особенности этнического семейного сознания, а также эволюционный и интеграционный процессы эпохи. Роль семьи важна не только в процессе формирования характера, нравственных и этических принципов отдельных персонажей, но и укреплении государственных основ, политической стабильности общества, культурного развития этноса. Показывая семью Пургаза и Руши, автор проводит мысль о наметившейся в этот период трансформации этнической традиции многожёнства и установлении моногамных отношений среди мордвы. Значимую роль в реализации темы семьи играют женские образы, воплощающие архетипические роли жены, матери, хранительницы домашнего очага, национальной культуры. Научная новизна статьи определяется тем, что тема семьи и брачно-семейных отношений в романе К. Абрамова «Пургаз» впервые становится объектом специального исследования.

Ключевые слова: мордовская литература, К. Абрамов, роман «Пургаз», тема семьи, семейно-брачные отношения, традиционные семейные ценности

Для цитирования: Лукин А. О., Шеянова С. В. Особенности воплощения семейной темы в романе К. Абрамова «Пургаз» // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 68–76.

Features of the embodiment of the family theme in K. Abramov's novel "Purgaz"

A. O. Lukin

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
soap-2017@mail.ru*

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the national worldview in the creative reception of the Mordovian writer Kuzma Abramov. The subject of the research is the peculiarities of the artistic embodiment of the family theme in the novel-legend "Purgaz".

Objective: to reveal the specifics of the representation of family and marriage relations in K. Abramov's novel "Purgaz".

Research materials: K. Abramov's novel-legend "Purgaz".

Results and novelty of the research: the theme of family in K. Abramov's novel "Purgaz" is influenced by the author's worldview and his perception of family as a value. In this work, the writer depicts the ancient Mordovian society of the late XII and early XIII centuries. During this period, paganism, polygamy (polygyny), early marriage or marriage by parental decision, bride kidnapping, and levirate were common. The author depicts various models of mixed (interethnic, interfaith) marriages. The role of the family is important in the process of

character formation, as well as in strengthening the foundations of the state, the political stability of society, and the cultural development of an ethnic group. Using the example of the Purgaz and Rusha family, the author depicts the transformation of the ethnic tradition of polygamy and the establishment of monogamous relationships among the Mordovian people. Women characters play a significant role in the novel's exploration of the theme of family. The scientific novelty of the article is determined by the fact that the theme of family and marital relations in K. Abramov's novel "Purgaz" becomes the object of a special study for the first time.

Key words: Mordovian literature, K. Abramov, novel "Purgaz", theme of family, family and marital relations, traditional family values

For citation: Lukin A. O., Sheyanova S. V. Features of the embodiment of the family theme in K. Abramov's novel "Purgaz" // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (1/64): 68–76.

Введение

Семья как древнейший институт человеческого общества прошла сложный путь трансформации от родоплеменных семейно-брачных отношений до традиционной модели (муж / жена / дети), которая в современном российском, мировом сообществе признаётся высшей ценностью. Она представляется базовым компонентом функционирования социума, залогом его стабильности, механизмом регулирования демографических, производственных процессов, средством отражения истории, культуры, быта разных народов. В связи с этим семья становится объектом исторического [2; 7; 14], социологического [11; 21; 27], психологического [17], культурологического [20; 23; 28], этнографического [12; 16; 18], литературоведческого [3; 13; 15; 24; 25; 26; 29] исследования.

В литературе тема семьи является одной из ключевых, поскольку родовая и семейная сущность человека служит ключом к пониманию образа мышления, духовного мира, нравственного потенциала, системы ценностей, эмоционально-психологического состояния, самореализации в роли отца / матери – категорий художественной рефлексии. Писатели репрезентируют разнообразные семейно-брачные отношения, но идеальной выступает модель крепкой, сплочённой, стабильной, многодетной семьи как особого аксиологического пространства, в котором формируются мировоззрение человека, нормы его поведения, социокультурное самочувствие.

Являясь общечеловеческим понятием, семья вместе с тем обладает и национально-культурной спецификой, в ней как в зеркале «отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов» [11, 67]. В финно-угорской литературе художественная модель семьи конструируется посредством универсальных семейных ценностей, которые дополняются этническими стереотипными представлениями о семье и браке. По утверждению исследователей, финно-угорские этносы сформировали семейно-брачную традицию, основанную на таких понятиях как «многодетность, почитание старших,

призрение сирот, послушание детей родителям, забота о них в преклонном возрасте, мирное разрешение семейных споров, порицание развода, сохранение семейной тайны», способствующую «укреплению порядка, улучшению демографической ситуации, сохранению высокой нравственности, социальной солидарности и взаимопомощи» [18, 87–88].

В финно-угорском литературоведении феномен семьи изучен в историко-литературном ракурсе [9], сквозь призму мифологического миропонимания [22], в аспекте художественной аксиологии [6], гендерной картины мира [10], поэтики произведения [4; 5; 8; 19]. Она интерпретируется как определённая «модель мира и народа» [9], «основа общества и основа личности, формирующая характер, мировоззрение, нравственные качества человека» [8, 149], воспринимается «устойчивым маркером стабильности и будущего существования народа», «главным ценностным центром в иерархии бытия» [19, 99], ассоциируется с «продолжением рода, основами этнического мира, этическими воззрениями народа» [6, 44]. Несмотря на широкий круг научных исследований, вопросы художественной реализации темы семьи в литературном дискурсе нуждаются в доработке, что обусловлено как творческой стратегией авторов, так и семантико-символической многослойностью концепта «семья».

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена необходимостью определения специфики воплощения классической темы семьи в романе К. Абрамова «Пургаз», что позволит раскрыть индивидуально-творческую национальную картину мира, авторский взгляд на менталитет, мировоззрение, жизнедеятельность, быт, культуру древней мордвы, акцентировать внимание на вопросах этнической идентичности эрзян и мокшан, уникальности их исторической судьбы. Роман «Пургаз» исследован в аспекте жанровой природы, своеобразия изображения русско-мордовских взаимосвязей, специфики репрезентации исторического лица, но не разработаны вопросы воплощения темы семьи и

семейных отношений в произведении. Между тем форма романа-сказания, в котором незначительные документальные сведения о древней мордве дополняются фольклорным материалом, обуславливает особенности изображения семейно-брачных отношений народа, с одной стороны, подчиненных этническим стереотипным представлениям, требованиям обрядовой культурной среды, с другой – подверженных трансформации и эволюции в соответствии с историческим процессом и взаимодействию эрзян и мокшан с другими народами.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил роман-сказание К. Абрамова «Пургаз», в котором изображены исторические реалии конца XII – начала XIII века.

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семантический, историко-функциональный, метод описательной поэтики.

Результаты

В романе К. Абрамова «Пургаз» семейно-брачные связи служат средством отражения общественно-политических, межэтнических, гендерных отношений в древнемордовском обществе, традиционных семейных, этических ценностей, особенностей этнокультуры, духовной атмосферы жизни народа. Многочисленные семейные «истории» не только важны для конструирования нарративной структуры текста, но и ценны для восстановления генезиса мордовской семьи. Авторская концепция семейственности и брака соотносится с исторической реальностью (регулирование механизмов семьи определено условиями патриархального миропорядка, нравственная ориентация семьи направлена на авторитет мужчины, её главы), а также с этническими брачно-семейными традициями.

Доминирующей формой брака среди мордвы рубежа XII–XIII вв. была полигиния, обусловленная социально-экономическими факторами (мужчина имел столько жён, сколько мог содержать), диспропорцией полов – численным преобладанием женщин, гибелью мужчин в многочисленных столкновениях с внешним врагом, а также необходимостью воспроизводства большого потомства, что в свою очередь способствовало жизнеспособности и укреплению рода. В нарративе романа «Пургаз» эти обстоятельства

отражены на примере ряда семей, среди которых выделяется большой и сильный род Обрана. «У старика Обрана три жены, много сыновей и дочерей, около пятидесяти внуков и правнуков. В городке все дома принадлежат его сыновьям, зятьям и внукам. Остальные люди рода живут в селениях, разбросанных вблизи городка» [1, 9]. История женитьбы Обрана типична для консервативно-патриархального общества: два ранних брака по инициативе родителей, последний – по собственному решению. Автор изображает «древнейший и универсальный способ заключения брака – умыкание или похищение невесты», который «у мордвы сохранялся и после обращения в христианство» [16, 74], позже трансформировался в традиционное сватовство, но сохранил элементы в мордовском свадебном обряде. «В первый раз Обрана женили, когда ему было десять лет – за него посватали семнадцатилетнюю девушку. Так решил его отец – в доме нужна была работница. Теперь этой жене исполнилось восемьдесят. Второй раз его женили в двадцать лет. И второй жене теперь уже исполнилось семьдесят. Самому же Обрану семьдесят три. Третью жену он привёз сам из Половецкой земли, куда ходил со своими людьми за добычей. Обрану приглянулась в этом набеге совсем юная девушка – ей только минуло пятнадцать. И он её умыкнул. Тридцать три года прошло с той поры...» [1, 10]. В семье полонянку назвали Вежавой (от эрз. *веженсь ава* ‘младшая женщина’). К. Абрамов фиксирует этнический обряд наречения невесты: после свадьбы её называли родовым именем, таким образом приобщая к новому семейству и определяя её место и роль в нём.

Старшая жена в семье занимала особое положение, пользовалась уважением и почётом, имела определённую власть над мужем, распоряжалась имуществом, бытом, младшие жены находились в её подчинении. К. Абрамов представляет индивидуально-творческую интерпретацию этого вопроса: старшие жёны Обрана изображаются злыми завистницами, ненавидящими младшую жену. Мужчина «жалел Вежаву и оберегал от тяжёлых домашних дел, поручая их старшим жёнам и снохам. И это ещё больше озлобило против неё женщин обрановской семьи» [1, 10–11]. Отсутствие инициализации персонажей-жён становится средством их типизации. Высокий статус старшей жены сохраняется прозаиком в её исключительной роли в обрядовой жизни семьи и рода, что обусловлено мифологическими воззрениями

мордвы, преобладанием женских образов в пантеоне божеств. Одна из главнейших её обязанностей – участие в похоронно-поминальном обряде. «Первой Кошая оплакала старшая жена, её сменили Литава, за ней Парава. Последними оплакивали дочери и снохи. Паркая оплакивали мать, жена и сёстры. Обрана оплакивали все женщины селения» [1, 118]. Женские образы романа воплощают архетипические роли жены, матери, являются носителями семейно-родовой и национально-культурной памяти.

Форма заключения брака посредством умыкания невесты проиллюстрирована и на примере Промзы, который похитил девушку с русской земли, куда ходил за добычей. Похищение произошло спонтанно, необдуманно, при этом юноша рисковал жизнью. Несмотря на то, что Обран сам некогда умыкнул Вежаву, он не одобрил поступок внука, жестоко наказал его: «Обран повалил Промзу на землю и стал хлестать по оголённому заду. Промза стиснул зубы. Скоро в глазах потемнело, лицо покрылось холодным потом. ... Три дня отлёживался Промза...» [1, 62]. Из-за притязаний Кижевата молодым людям пришлось убежать на русскую землю. Здесь беременная Рузава-христианка (от эрз. *рузонь ава* ‘русская женщина’) не оставляет попыток уговорить мужа-язычника принять христианство: «Тебе придётся перейти в нашу веру. Батюшка даст тебе христианское имя. Если не перейдёшь, батюшка не обвенчает нас, мне придётся жить отдельно от тебя» [1, 93]. Её волнует нравственно-религиозная сторона взаимоотношений с Промзой («жила с мужчиной невенчанная»). Крестили Промзу в маленькой деревянной церкви, где «седой шупленький поп побрызгал на него холодной водой, побормотал чего-то и дал поцеловать медный крест. Это означало, как объяснила ему Рузава, что он теперь христианин, и его новое имя Афанасий. Но это непонятное имя Промза сразу же и забыл» [1, 94]. Религиозное обращение героя-язычника в христианство не обусловлено индивидуальной духовной потребностью, кардинально не трансформирует его поведение, образ жизни. Однако в мировосприятии Промзы наблюдаются изменения, к примеру, ссылаясь на русские обычаи, он нерешительно пытается противостоять традиционному левирату, защитить свое право на брак с любимой женщиной.

К. Абрамов транслирует возникающую в этот период тенденцию к единобрачию у мордвы. Однако моногамность, как более поздняя форма

брака, не является преобладающей в обществе начала XIII в., что подтверждается тем, что среди персонажей романа лишь Пургаз имеет одну жену. В интерпретации историков, «фундамент моногамии заложили социально-экономические условия, ... принцип взаимной верности, провозглашаемый между супругами, <...> уровень культурного и морального развития общества в целом и конкретно личности человека» [2, 26]. Такая позиция соотносится с концепцией анализируемого романа. Так, Пургаз своё решение аргументирует бытовыми и экономическими условиями: «Много жён нужно тому, у кого большое хозяйство, а мне они совсем ни к чему» [1, 246]. Одновременно следует говорить и об иных причинах единобрачия героя. Во-первых, его не женили насильно, он выкупил мокшанку-полонянку на рынке в Великом городе, родители приняли его выбор, во-вторых, Руша была его ровесницей, она не состарилась раньше него, супруги сохранили страсть друг к другу. Об этом свидетельствуют фразы, жесты, тактильное взаимодействие героев, а также переданный посредством восприятия Пургазом портрет жены, в котором акцентированы интимные детали: «За эти годы она совсем не изменилась, может, только немного пополнела, да грудь чуть приподнялась. Но глаза по-прежнему искрятся синевой, и та же девичья непоседливость, и ловкость в движениях...» [1, 215]. Измену по отношению к женщине, которая его любила, хранила ему верность, Пургаз не мог допустить и в силу своих моральных принципов, обострённого чувства справедливости, ответственности. В его семье сложились представления о ценности чувств и взаимоотношений супругов, основанных не на превосходстве мужчины и подчинении женщины, как требовали древние этнические нормы, а на взаимоуважении, согласии, верности, преданности. Зная историю взаимоотношений Пургаза и Миянзы, Руша ревнует супруга, провоцирует его: «Ты её всё равно любишь, я это чувствую... Если хочешь, возьми её второй женой – я не стану на тебя обижаться» [1, 248]. Такие ситуации позволяют раскрыть не только эмоциональность натуры героини, но и положение женщины, не имеющей возможности регулировать брачную традицию.

Среди эрзян и мокшан был распространён обычай бракосочетания взрослых девушек с подростками и детьми, отражённый в народных социально-бытовых балладных песнях о

маленьком муже. Такая форма неравного брака изображена в романе К. Абрамова на примере князя Ушмая. «Первая жена Ушмая успела состариться. Его женили на ней, когда он был ещё мальчиком, а она доживала второй десяток. Он до сих пор с содроганием вспоминает, как женщина, ставшая его женой, щипала и царапала его в постели, вымещая злобу на мужское бессилие мальчика. Ушмай не стал женить сыновей так, как женили его – он дал им окрепнуть и почувствовать себя мужчиной...» [1, 47]. Таким образом, автор реалистично транслирует особенности мироустройства традиционного общества, однако свидетельствует о нивелировании подобных брачных отношений, трансформации модели разновозрастного брака в процессе развития социума.

Трагическая судьба Миянзы, возлюбленной юного Пургаза, становится примером жизни женщины, выданной замуж без её согласия. При выборе мужа для своей дочери Ушмай придерживается не личных, а общественных интересов – этот брак способствовал достижению доверия между Лемесями и Обранами, объединению двух родов, вследствие чего они становились сильнее в противостоянии с внешним врагом, а также относительной политической стабильности, укреплению основ древнемордовской государственности. Негативное восприятие Миянзой своего супруга проявляется не только в её фразах («Туда ему и дорога. Великий Бог услышал меня и освободил от него...» [1, 246], поведении (подстроенные встречи с Пургазом), но и в авторском отношении – отказе от имянаречения персонажа. Женщина не могла ни уйти, ни развестись с ненавистным мужем, поскольку, как свидетельствуют историки, «брачно-семейные узы в традиционной культуре народа не подлежали разрыву, у мордвы обычаев расторжения брака не зафиксировано, фактический уход жены от мужа и наоборот не означал общественного признания прекращения брака» [19, 91]. Пургаз сопереживает героине, однако оценивает её положение как язычник-фаталист: «Конечно, жалко её, что за жизнь, когда жена не любит мужа! Плохая жизнь... Но тут уж ничего не поделаешь – так, видно, захотел Великий Бог...» [1, 212]. Нереализованность Миянзы как женщины, нерастраченность эмоционального потенциала приводят к трансформации её сознания, поведения. Некогда скромная, стыдливая девушка сама предлагает Пургазу взять её второй женой, она готова

принять его условия, вплоть до рождения ребёнка вне брака, что не коррелирует с национальными моральными нормами, «имело следствием общественное порицание девушки, навлечение позора на семью и род» [18, 89]. Одновременно героиня К. Абрамова воспринимается жертвой патриархального миропорядка, этнической семейно-брачной традиции. В данном контексте возникают ассоциации Миянзы с Аксиньей Келаськиной из романа М. Сайгина «Разломы», которая отрицает консервативные брачные законы – борется за право выйти замуж по любви, отказывает сватам, сбегает с венчания, пускает в ход женскую хитрость, чтобы завоевать возлюбленного.

В художественной картине мира романа «Пургаз» эксплицированы межконфессиональные браки, которые в древнем обществе заключались по предварительной договорённости с целью укрепления союзнических, политических, торговых связей (Илхам / Уняша, Арис / Аиша) или случались спонтанно и в таком случае общественно-политического значения не имели (Промза / Рузава, Тюгай / Елена). В любом случае они свидетельствуют об этнической и религиозной толерантности эрзян в эпоху вероисповедальных предубеждений и мировоззренческих противоречий, их готовности к продуктивному межкультурному взаимодействию, военному сотрудничеству. Что подтверждается, в частности, фактом союза старшего сына Пургаза Ариса и болгарской девушки Аиши. Этот брак положительно отразился на государственных отношениях, однако привёл к нивелированию этнической идентичности Ариса, который осознанно принял ислам, отказался от веры, культуры, языка своих предков. Он не обладает отцовской мудростью, военной сноровкой, решительностью и принципиальностью. Оказавшись под идеологическим влиянием жены, Арис отходит от политической деятельности, преимущественными для него становятся частные проблемы, в частности комфорт семьи. В данном случае справедливо говорить о трансформации не патриархальных семейных устоев, а национального самосознания персонажа, деформации его нравственно-религиозных ценностей.

На примере брака старшей сестры Пургаза Уняши и сына Селим-хана Илхама в романе прослеживается традиция междинастических союзов. Сложно сказать, возможны ли были такие связи между представителями мусульманской

цивилизационной Волжской Булгарии, которая ассоциируется с прогрессом (книгопечатание, производство стекла и т. д.), и живущего общинно-родовым строем языческого эрзянского народа. В романе эти обстоятельства нивелируются в сознании Селим-хана важной миссией – «приобщением мордовских людей к мусульманской вере, к исламу. Вера в единого бога помогла бы булгарам и мордве лучше понять друг друга, единоверие сплотило бы два народа. Нужно забыть Ине Шкая, это никому не известное божество, и уверовать в силу и могущество великого Аллаха...» [1, 159]. Таким образом, брак Илхама и Уняши воспринимается не только возможностью укрепить межнациональное дипломатическое сотрудничество, но и стремлением воздействовать на религиозное мировоззрение, этническое сознание мордовского народа.

По утверждению историков, у мордвы отмечались «случаи левирата и сорората (брачные обычаи женитьбы брата умершего на его вдове, вдовца на сестре умершей жены), что объяснялось экономическими соображениями и интересами детей» [18, 90]. В романе «Пургаз» изображён левират: «По старинному мордовскому обычаю жена умершего становилась женой его брата, который обязан был заботиться о его детях, как о своих собственных» [1, 120]. После гибели мужа Паркая Мазава (от эрз. *мазый ава* 'красивая женщина') должна была стать женой либо Кижевата, либо Промзы, она выбирает младшего брата. Воспитанный в традиционной среде Промза, по настоянию жены принявший христианство и обвенчавшийся в русской церкви, не способен противостоять обычаям предков, он осознаёт их значимость в сохранении этнического миропорядка. Мужчина нерешительно отстаивает свою позицию («По русским обычаям у мужа должна быть только одна жена» [1, 124]), однако получает от матери бескомпромиссный ответ: «Ты живёшь не по чужим обычаям – по своим. Тут ничего не поделаешь» [1, 124]. Через несколько месяцев Мазава стала второй женой Промзы. «Рузава смирилась со своей участью и не высказывала никакого недовольствия» [1, 128].

Таким образом, К. Абрамов не изображает трансформацию левирата как формы полигинии, что обусловлено, на наш взгляд, восприятием им сущности обычая, функция которого заключалась в продолжении рода, заботе о воспитании и благополучии осиротевших детей, их приобщении

к общественной жизни, этническим культурным и нравственным ценностям.

Обсуждение и заключение

Рассмотренный материал позволяет нам сделать вывод о том, что концепция семейственности в романе К. Абрамова «Пургаз» обусловлена как ценностью института семьи и брака в современном обществе, так и значимостью семьи в укреплении общинно-родового строя, основ зарождающейся государственности, формировании национального сознания, традиционной культурной среды, в трансляции нравственных понятий, сохранении преемственности поколений. Внутрисемейные отношения в произведении репрезентированы в соответствии с индивидуально-авторской концепцией национального мира и личности, не противоречащей логике исторического процесса. Писатель реалистично отражает сложившиеся и утвердившиеся в древнемордовском обществе принципы создания семьи, модели семейно-брачных отношений, отражает этническую традицию многоженства (полигинию), брак по инициативе родителей, женитьбу мальчика на половозрелой девушке, обряд умыкания / похищения невесты, левират.

В произведении изображены разнообразные модели межнациональных, межконфессиональных, междинастических браков: муж эрзянин (Пургаз) – жена мокшанка (Руша), муж эрзянин (Обран) – жена половчанка (Вежава), муж эрзянин (Промза) – жена русская (Рузава); муж язычник (Арис) – жена мусульманка (Аиша); муж сын хана (Илхам) – жена внучка главы рода (Уняша). Проблематика смешанного брака актуализирована необходимостью реанимировать особенности семейного сознания древней мордвы, раскрыть рецепцию персонажами-язычниками мировосприятия, культуры, духовных ценностей других народов-иноверцев.

Образ семьи в романе в целом наделён положительным семантическим содержанием, что обусловлено её функциями воспроизводства потомства, формирования общечеловеческих и национальных аксиологических понятий, сохранения родового пространства и миропорядка. В авторской концепции семейный уклад, особые внутрисемейные отношения создают в древнемордовском обществе неповторимый микроклимат, обеспечивающий не только физическое существование этноса, но и его ментальное благополучие.

Список источников и литературы

1. Абрамов К. Пургаз. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 464 с.
2. Демина И. А. Историческое развитие семейно-правового принципа моногамии // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2. С. 24–34.
3. Джиоева А. Т. Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2019. 225 с.
4. Динисламова С. С. Основные темы и мотивы творчества Ювана Шесталова // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Матер. науч.-практич. конф. Воронеж: МАКС-ПРИНТ, 2015. С. 25–33.
5. Динисламова С. С. Тема детства в повести «Сначала была сказка» Ю. Шесталова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 4. С. 1–9.
6. Ермина Н. И., Шеянова С. В. Современный мордовский рассказ: проблематика, поэтика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. 160 с.
7. Корнишина Г. А., Новослов А. Е. Семейно-брачная структура мордовского населения в историческом аспекте // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 3. С. 310–320.
8. Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. Семейная тема в романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Russian Journal of Education and Psychology. 2010. № 3. С. 145–149.
9. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2013. 467 с.
10. Левина Н. Н. Интерпретация образа женщины в прозе В. Мишаниной и Ю. Кузнецова: сопоставительный аспект // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15. № 3 (67). С. 178–190.
11. Любарт М. К. Семья во французском обществе XVIII – нач. XX вв. М.: Наука, 2005. 296 с.
12. Мокшина Ю. Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003. 301 с.
13. Павленко А. И. Философско-педагогическая идея семьи в публицистике В. В. Розанова: дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2000. 182 с.
14. Першина Т. А. Структура крестьянской семьи мордовского края в первой половине XIX в.: Историко-демографический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 223 с.
15. Резник О. В. «Мысль семейная» как жанрообразующая категория в эпическом наследии Марины Степновой (на примере романа «Сад») // Наследие веков. 2021. № 4 (28). С. 79–84.
16. Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Волкова М. С. Этнографические особенности мордовского обряда бракосочетания: обычаи похищения и купли-продажи невест // Финно-угорский мир. 2014. № 1 (18). С. 74–79.
17. Сапоровская М. В. Психология межпоколенных отношений в семье: дис. ... докт. псих. наук. Кострома, 2013. 613 с.
18. Сушкова Ю. Н. Брачно-семейные обычаи финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX–начало XX в.) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 1. С. 87–99.
19. Ульрих Т. М. Семейная тема в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...» // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 99–109.
20. Федотова Ю. В. Семья как феномен и носитель культурных традиций: Европа с древности до начала XX века: дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 153 с.
21. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М.: Центр социал. прогнозирования, 2003. 341 с.
22. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. О специфике мировоззрения эрзянских и мокшанских семейно-брачных мифов // Филология: научные исследования. 2021. № 8. С. 1–12.
23. An J.-Y. Family Pictures: Representations of the Family in Contemporary Korean Cinema. University of Cambridge. Ph. D. Dis. 2017. 241 p. DOI: 10.17863/CAM.13956.
24. Berman A. The Family Novel (and Its Curious Disappearance) // Comparative Literature. 2020. № 72 (1). Pp. 1–18. DOI:10.1215/00104124-7909939.
25. Bitsiani E. Family plots: bio-medical discourse, gender, and familial/marital relationships in the modern Greek fiction of the 1920s and 1930s. University of Birmingham. Ph. D. Dis. 2022. 443 p.
26. Fusso S. Dostoevsky and the Family // Cambridge Companion to Dostoevsky / Ed. by W. J. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Pp. 175–190.
27. Karna W., Stefaniuk I., Saadati N. Changing Perceptions of Marriage and Family Life among Millennials // Journal of Psychosociological Research in Family and Culture. 2023. Vol. 1. № 4. Pp. 35–41.
28. Mikhaleva G. The Political and Ideological Contexts of the Family Image and Family Education in Russian Post-Soviet and Contemporary Feature Films // Media Education (Mediaobrazovanie). 2024. № 20 (2). Pp. 251–260.
29. Toirova N. I., Ismoilova D. D. The Importance of Family and Society in the Victorian age and Modern English Literature // International Journal of Science and Technology. 2005. Vol. 2. № 6. Pp. 64–66.

References

1. Abramov K. *Purgaz* [Purgaz]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993. 464 p. (In Russian)
2. Demina I. A. *Istoricheskoe razvitie semejno-pravovogo principa monogamii* [Historical development of the family law principle of monogamy]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2022, no. 10 (2), pp. 24–34. (In Russian)
3. Dzhioeva A. T. *Tradicii semejnogo romana v otechestvennoj proze XX stoletiya* [Traditions of the family novel in Russian prose of the XX century]. Nizhny Novgorod, 2019. 225 p. (In Russian)

4. Dinislamova S. S. *Osnovnye temy i motivy tvorchestva Yuvana Shestalova* [Main themes and motifs of Yuvan Shestalov's creative work]. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations]. Voronezh: MAKS-PRINT Publ., 2015. Pp. 25–33. (In Russian)
5. Dinislamova S. S. *Tema detstva v povesti "Snachala byla skazka" Yu. Shestalova* [Theme of childhood in the story "There Was a Fairy Tale at First" by Yu. Shestalov]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies], 2021, no. 12 (4), pp. 1–9. (In Russian)
6. Ermina N. I., Sheyanova S. V. *Sovremennyj mordovskij rasskaz: problematika, poe'tika* [Modern Mordovian short story: problems, poetics]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta Publ., 2022. 160 p. (In Russian)
7. Kornishina G. A., Novoslov A. E. *Semejno-brachnaya struktura mordovskogo naseleniya v istoricheskom aspekte* [Family and marriage structure of Mordovian population in the historical context]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2023, no. 15 (3), pp. 310–320. (In Russian)
8. Kosintseva E. V., Kurenkova N. V. *Semejnaya tema v romane E. D. Ajpina "Bozh'ya Mater' v krovavyx snegax"* [Family theme in Ye. D. Ajpin's novel "The Mother of God in the Bloody Snows"]. *Russian Journal of Education and Psychology* [Russian Journal of Education and Psychology], 2010, no. 3, pp. 145–149. (In Russian)
9. Kosintseva E. V. *Khantyyskaya literatura ot istokov do sovremennosti: temy, obrazy, traditsii* [Khanty literature from origins to modernity: themes, images, traditions]. Saransk, 2013. 467 p. (In Russian)
10. Levina N. N. *Interpretaciya obraza zhenshhiny v proze V. Mishaninoy i Yu. Kuznetzova: sopostavitel'nyj aspekt* [Interpretation of a woman's image in V. Mishanina's and Yu. Kuznetsov's prose: comparative aspect]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], 2023, no. 15 (3), pp. 178–190. (In Russian)
11. Lyubart M. K. *Sem'ya vo francuzskom obshchestve XVIII – nach. XX vv.* [Family in French society of the XVIII – early XX centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2005. 296 p. (In Russian)
12. Mokshina Yu. N. *Brachno-semejny'e otnosheniya v obychnom prave mordvy konca XIX – nachala XX vv.* [Marriage and family relations in the customary law of the Mordovian people of the late XIX – early XX centuries]. Saransk, 2003. 301 p. (In Russian)
13. Pavlenko A. I. *Filosofsko-pedagogicheskaya ideya sem'i v publicistike V. V. Rozanova* [Philosophical and pedagogical idea of a family in the journalism of V. V. Rozanov]. Yelets, 2000. 182 p. (In Russian)
14. Pershina T. A. *Struktura krest'yanskoj sem'i mordovskogo kraja v pervoj polovine XIX v.: Istoriko-demograficheskij analiz* [Structure of a peasant family in the Mordovian region in the first half of the XIX century: Historical and demographic analysis]. Saransk, 2005. 223 p. (In Russian)
15. Reznik O. V. *"My'sl' semejnaya" kak zhanroobrazuyushchaya kategoriya v e'picheskom nasledii Mariny Stepnovoj (na primere romana "Sad")* ["Family thought" as a genre-forming category in the epic heritage of Marina Stepnova (on the example of the novel "The Garden")]. *Nasledie vekov* [Heritage of Centuries], 2021, no. 4, pp. 79–84. (In Russian)
16. Rogachev V. I., Vaganova E. N., Volkova M. S. *E'tnograficheskie osobennosti mordovskogo obryada brakosochetaniya: obychai poxishheniya i kupli-prodazhi nevest* [Ethnographic features of Mordovian wedding ceremony: customs of bride kidnapping and their buying and selling]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2014, no. 1 (18), pp. 74–79. (In Russian)
17. Saporovskaya M. V. *Psixologiya mezhpokolennykh otnoshenij v sem'e* [Psychology of intergenerational relationships in a family]. Kostroma, 2013. 613 p. (In Russian)
18. Sushkova Yu. N. *Brachno-semejny'e obychai finno-ugorskix narodov Povolzh'ya: yuridiko-antropologicheskij analiz (konec XIX – nachalo XX v.)* [Marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region: legal and anthropological analysis (late XIX – early XX centuries)]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2022, no. 14 (1), pp. 87–99. (In Russian)
19. Ulrich T. M. *Semejnaya tema v romane-skazanii G. K. Sazonova i A. M. Konkova "I lun medlitel'nyx potok..."* [Family theme in the novel by G. K. Sazonov and A. M. Konkova "And the Stream of the Slow Moons..."]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2025, no. 15 (1/60), pp. 99–109. (In Russian)
20. Fedotova Yu. V. *Sem'ya kak fenomen i nositel' kul'turnykh tradicij: Evropa s drevnosti do nachala XX veka* [Family as a phenomenon and bearer of cultural traditions: Europe from antiquity to early XX century]. Moscow, 2003. 153 p. (In Russian)
21. Kharchev A. G. *Sociologiya sem'i: problemy stanovleniya nauki* [Sociology of a family: problems of the formation of science]. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya Publ., 2003. 341 p. (In Russian)
22. Sharonova E. A., Sharonov A. M. *O specifike mirovozzreniya e'rzyanskix i mokshanskix semejno-brachnykh mifov* [On the specifics of the worldview of an Erzya and Moksha family and marriage myths]. *Filologiya: nauchny'e issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2021, no. 8, pp. 1–12. (In Russian)
23. An J.-Y. *Family Pictures: Representations of the Family in Contemporary Korean Cinema*. University of Cambridge. Ph. D. Dis. 2017. 241 p. DOI: 10.17863/CAM.13956. (In English)
24. Berman A. The Family Novel (and Its Curious Disappearance). *Comparative Literature*, 2020, no. 72 (1), pp. 1–18. DOI:10.1215/00104124-7909939. (In English)
25. Bitsiani E. *Family plots: bio-medical discourse, gender, and familial/marital relationships in the modern Greek fiction of the 1920s and 1930s*. University of Birmingham. Ph. D. Dis. 2022. 443 p. (In English)
26. Fusso S. Dostoevsky and the Family. *Cambridge Companion to Dostoevsky*. Ed. W. J. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Pp. 175–190. (In English)
27. Karna W., Stefaniuk I., Saadati N. Changing Perceptions of Marriage and Family Life among Millennials. *Journal of Psychosociological Research in Family and Culture*, 2023, no. 1 (4), pp. 35–41. (In English)
28. Mikhaleva G. The Political and Ideological Contexts of the Family Image and Family Education in Russian Post-Soviet and Contemporary Feature Films. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2024, no. 20 (2), pp. 251–260. (In English)
29. Toirova N. I., Ismoilova D. D. The Importance of Family and Society in the Victorian age and Modern English Literature. *International Journal of Science and Technology*, 2005, no. 2 (6), pp. 64–66. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукин Артём Олегович, аспирант кафедры мордовских языков и литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68).

soap-2017@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-6261-321X

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры мордовских языков и литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHORS

Lukin Artem Olegovich, Postgraduate Student, Department of the Mordovian Languages and Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68).

soap-2017@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-6261-321X

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of the Mordovian Languages and Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410